

Честь воина

Пышущий молодой силой могучий охотник Ксенон, гордый и высокий, стоял перед тронном царя Филандера, сделанным из бивней мастодонта. Прошлой луной кронксы совершили набег на племя плунов, и теперь их, кронксов, ждало возмездие.

— Присоединишься ли ты к идущим в набег воинам? — спросил Филандер и поверзал на троне (бивни мастодонтов делали трон скорее внушительным, чем удобным).

— Да, — ответил Ксенон. Его обтянутый шкурой мастодонта лук был длиной с рослого воина, а толщиной почти равнялся крепкому запястью владельца. Никто другой не мог согнуть этот лук, а уж тем более пустить из него стрелу.

— Прекрасно, — сказал царь, чья широкая грудь все еще бугрилась мышцами, и лишь слегка обвисшая кожа выдавала его сорокалетний возраст. — Ты проявил себя отличным охотником. Посмотрим, каким ты станешь воином.

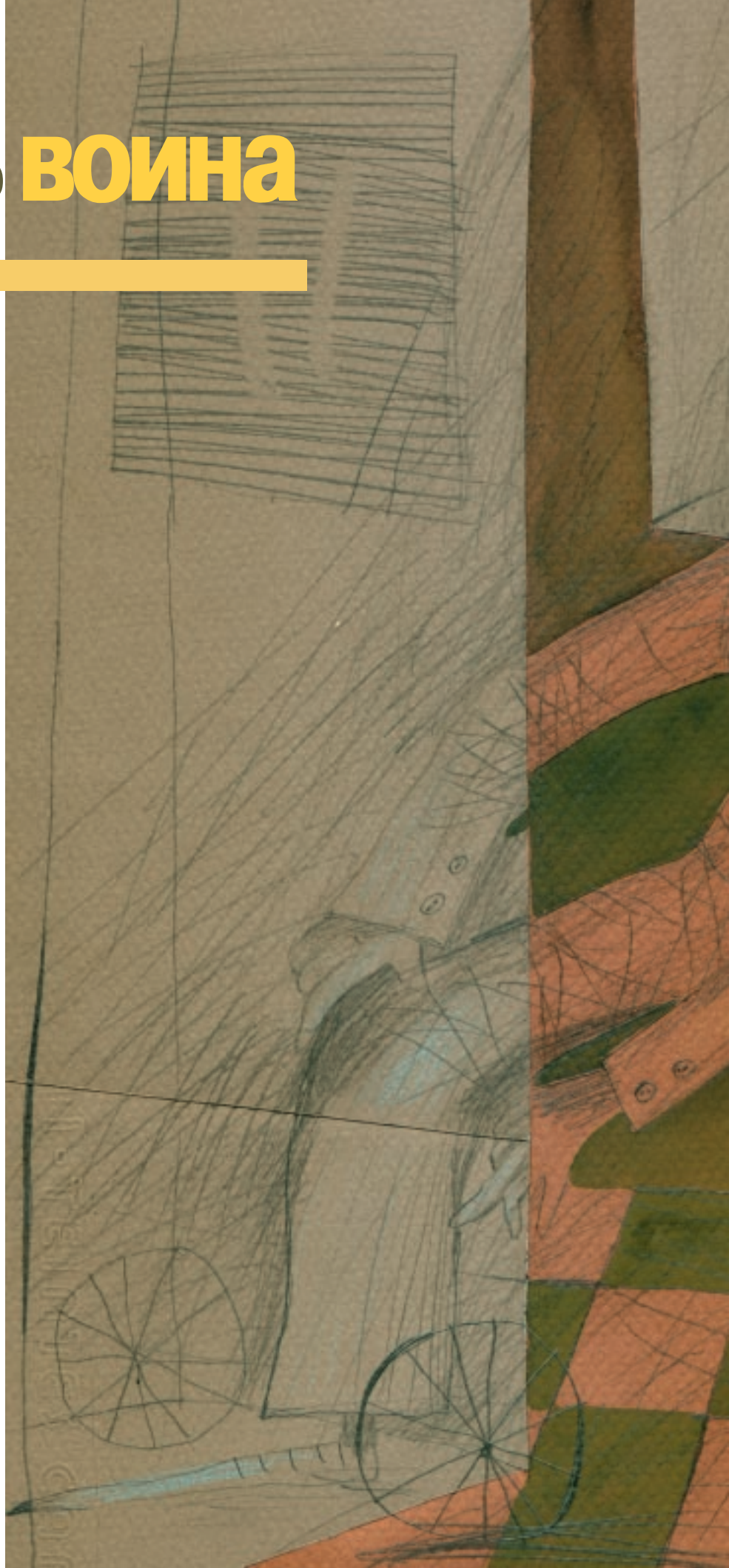
Ксенон почувствовал, что не все воины племени в нем уверены. Какой-то холодок сомнения. Но он знал, что сильнее любого из них. Почти все они ходили с ним на охоту, но именно Ксенон добыл огромного зверя — того самого, на чьих бивнях сейчас сидел Филандер. Поэтому ни у воинов, ни у царя нет повода сомневаться в мужестве Ксенона.

Отряд выступил к деревне кронксов. Ксенон ощущал на своих широких, бронзовых от загара плечах горячее доисторическое солнце, палящее с чистых небес. Поблескивали пурпурные и оранжевые скалы. Овражистые склоны холмов поросли колючим кустарником.

Жизнь плунов, кронксов и других племен в этом мире была суровой. Здесь ты или силен, или мертв — другие варианты практически исключались.

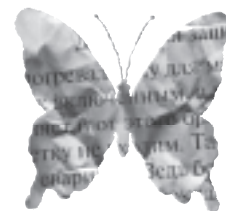
Царь Филандер шел рядом со своими воинами, большинство из которых, подобно Ксенону, было много моложе его — лишь двое седых, жилистых мужчин не уступали царю в возрасте. Отряд оказался

Оригинальная версия: Uncle River. Warrior's Honor. «Analog», 1997 (USA).

Художник Е. Силлина

ФАНТАСТИКА

велик: по холмам и низинам шагали тридцать воинов. Каркали вороны, кружили птеранодоны. Аромат разогретой солнцем сосновой хвои смешивался в ноздрях Ксенона с вонью скунсового медведя.

Через некоторое время отряд плунов поднялся на вершину хребта над деревней кронксов. Воины присели, прячась за бурими валунами. Похоже, часовые кронксов их не заметили. Сверху было хорошо видно, как женщины кронксов перед своими хижинами обрабатывают шкуры и растирают волокнистые корни сендора, превращая их в сладкую питательную кашу. По деревне носились голые ребяташки. Полдюжины мужчин стояли на краю деревни, что-то обсуждая. Уж не упиваются ли они успехом своего набега? А может, готовятся к следующему? Что ж, плуны приготовили им сюрприз.

Ксенон бесшумно упер лук в землю. Теперь могучая рука охотника согнула его. На другой конец лука Ксенон надел петлю тетивы, а затем из длинного колчана, сделанного из шкуры выдры, вынул стрелу с ярко-оранжевыми перьями птицы флай, установил ее и натянул тетиву. Мышцы на груди напряглись — Ксенона переполняла жизненная сила. Прицеливаясь, он держал свое оружие совершенно неподвижно, зная, что никто из воинов-плунов не сможет удержать вот этот лук, когда он полностью натянут: у них от напряжения задрожат руки.

Ксенон тщательно прицелился и разжал пальцы. В яркосинем небе мелькнула стрела. Наконечник ударил воина-кронкса точно в сердце. Враг схватился за грудь. Стрела пронзила его насквозь. Она была длиной почти в рост воина, и потому задержала его падение, уперевшись в землю. Воин пошатнулся, медленно наклонился вбок и рухнул.

Ксенон поднял руки над головой — лук в левой руке, новая стрела в правой, — готовясь выстрелить опять. Рядом стояли его соплеменники. Ксенон не сомневался, что все они видели, как точно поразила врага его стрела. И тут — вместо чувства радости и возбуждения — он ощутил стыд.

Да, стыд, а затем его будто окатила волна — волна презрения к самому себе. Как мог он, будущий воин, поступить настолько трусливо: убить другого человека с расстояния? Ведь тот воин не знал, что Ксенон здесь, и не смог сразиться с ним, а он, Ксенон, не взглянул противнику в глаза!..

Получилось!
Джек Спрул вышел из игрового мира, преисполненный тем триумфом, который не довелось испытать его игровому суррогату.

Сложность игрового мира возрастала, разумеется, постепенно. Каменистые холмы, скалы, трон из бивней мастодонта, карканье стервятников — эти и другие образы и звуки первыми достигли убедительного уровня правдопо-

добия. А вот, скажем, ощущения в руках, натягивающих лук, или запах скунсового медведя, или знания о предметах игрового мира, не существующих в физической реальности игрока, появились позднее. Но теперь Джек добился нового уровня реальности игрового мира. Его Ксенон ощутил стыд, потому что культура этого игрового мира заставила бы его отреагировать именно так!

И все-таки психология игры пока еще оставалась грубоватой, упрощенной. Джек над ней поработает. Почему Ксенон не помнил, что так поступать нельзя? Почему Филандер не познакомил его с правилами военной морали? Джек не сомневался, что в общем контексте это логично. У него имелись ответы на эти «почему»: молодой мужчина опьянен своими физическими возможностями; в примитивном обществе людям и в голову не приходит навязывать кому-то стандарты поведения. Но игрой Джек займется потом. Главное — он добился прорыва: контекст передавал заложенные в него эмоции, которые даже смогли заставить игрока врасплох. Ксенон ощутил не ожидаемый триумф, а стыд из-за собственной трусости, потому что убил воина, не взглянув ему в глаза. А Джек, пребывая в игровом мире, почувствовал его эмоции — стыд, удивление, презрение к самому себе.

Механизм этой функции основывался на психологии правонарушений: люди, чье поведение общество считает преступным, склонны воспринимать эмоции окружающих как отвращение или любой другой вид неодобрения; а вот те, кто противопоставляет себя обществу в меньшей степени, воспринимают эти же эмоции как нейтральные или даже одобрительные. Что еще? Любой человек реагирует на невербальные подсказки. Поэтому дальнейшие исследования выявили и отношения между самооценкой и контекстом — надо не навязывать поведение, а подталкивать его в том или ином направлении.

Это, в свою очередь, привело его к исследованию архаичной концепции предзнаменований и символики. В критический момент облако заслоняет солнце. Внезапно начинают петь птицы... Индивидуальная чувствительность к обратной связи различна. И эмоционально-зависимая обратная связь, тонкая или навязчивая, может быть встроена в игру.

Ксенон не обязан сознавать, что, когда он выпустил стрелу, температура упала на несколько градусов, или что солнце стало чуть менее ярким, или что ребенок кронксов заплакал, едва стрела попала в цель. Он даже не обязан замечать напряженные позы или неодобрительное выражение стоящих рядом соплеменников. Еще лучше, если он будет видеть их периферийным зрением и его ноздрей достигнет лишь легкий запах гнили, а не вонь разлагающихся трупов.

Джек отправил по электронной почте короткое сообщение Шейле Гриджалве, своему агенту и верному другу: «У меня получилось! Давай это отметим». Он не стал пояснять, что именно у него получилось. Шейла знала, что Джек работает над эмоциями контекста, и понятно, никто из них не хотел, чтобы некий кибервор украл у Джека успех.

Час спустя Шейла прислала ответ: «Замечательно. Как насчет сегодня в семь в «Римроке»?»

Джек выслал подтверждение и позвонил в кафе «Римрок», чтобы заказать столик. Хотя «Римрок» и назывался кафе, на самом деле это был ресторан довольно высокого класса. Элегантный декор. Превосходная кухня. Не дешевый, но и не экстравагантный. Джек и Шейла знали, что

успех Джека может принести славу и богатство. Они это отметят — если это случится.

Но у них и сейчас есть что отметить, с удовольствием подумал Джек, переодеваясь к обеду (последнее означало лишь новые джинсы, отглаженную рубашку и начищенные ботинки). Да, за последние несколько лет реальность добралась и до мира Джека, но он и сейчас жил во все еще неформальном мире. Кстати, вот еще забавная реальность нынешнего игрового мира: некоторые игроки постоянно пребывали в киберпространстве и их тела начинали напоминать дохлых рыб. Другие же, и среди них Джек, отреагировали противоположным образом. Ощувив тугие мускулы натягивающего тетиву Ксенона, Джек уже не мог жить в своем слабеющем с годами теле. Именно проживание в таких, как у Ксенона, телах во время игры подталкивало Джека в его сорок три года оставаться в лучшей форме, чем когда-то он был в двадцать... В немалой степени это навело его на мысль включить игру воинов постарше и сделать царя Филандера еще крепким мужчиной с выраженной мускулатурой под слегка дряблой кожей. Пусть дети, которые купят эту игру, и не будут особо обращать внимания на более возрастных персонажей, но и возражать против них тоже не станут. Это добавляло атмосфере игры правдивости, и дети ее оценят не хуже любого игрока постарше.

В общем, сейчас Джек чувствовал себя в прекрасной форме — и физической, и эмоциональной. Он стоял перед зеркалом и причесывал свои все еще густые волосы с редкой сединой — редкой ровно настолько, чтобы придавать ему солидность. И тут мелькнула мысль: «Вознаграждение. Позитивная развязка. Точно!»

Джек снова нырнул в игровой мир, хотя меньше чем через час ему надо было идти на обед... Ну ладно, забудем на время про психологический фон: почему Ксенон не передумал и все-таки сделал выстрел и почему его никто не остановил. Да-да, это отложим на потом. А сейчас, именно сейчас Джек хотел продемонстрировать Шейле некий способ, при помощи которого персонаж игры мог превратить негативную эмоциональную ситуацию в позитивную...

Сценарий остался все еще недоделанным, когда Джек выключил компьютер и слегка всклокоченный и вспотевший бросился к своему старенькому «датсуну». Он даже задумался над тем, что заставило его вспотеть — умственные усилия или же физические действия игрового персонажа, каким-то образом передавшиеся ему. Что ж, пусть сценарий еще сыроват, зато уже есть нечто, что можно показать Шейле.

Теперь игра не заканчивалась в позорный для Ксенона момент — игрок, когда Ксенона охватывал стыд, слышал: «Поздравляю. Ты только что обнаружил один из ключей к этому игровому миру. Значит, ты готов подняться на следующую уровень». После этого сценарий мог развиваться по многим направлениям, но игрок — он же Ксенон — теперь уже понимал, что для победы в игре он должен побеждать других воинов только в честной схватке и глядя им в глаза.

Несомненно, в таком виде игра понравится Шейле намного больше. Честно говоря, Джек тоже был удовлетворен: игра содержала эмоциональный контекст и заодно предлагала игроку позитивное вознаграждение, к которому он должен стремиться.

Прохладным предзимним вечером Джек ехал по улицам Эйс-Хай, где движение лишь недавно стало таким плотным

и быстрым. В городке с десятью тысячами жителей уже зажглись огни, но звезды над головой сияли так ярко, что Джеку показалось, будто он видит небо своего игрового мира.

Шейла ждала Джека в вестибюле «Римрока». Ее густые черные волосы были тоже, как и у Джека, слегка тронуты сединой; они аккуратно спускались на зеленую блузку, которую Шейла надела для сегодняшнего вечера.

— Надеюсь, я не заставил тебя ждать? — спросил Джек.

— Я тут всего минуточку. Что, снова охотился на мастодонта?

— Разве я так плохо выгляжу? — улыбнулся Джек и пригладил ладонью растрепавшиеся волосы.

— Как раз наоборот. Ты похож на человека, которого озарило вдохновение.

— Спасибо. А ты, как всегда, выглядишь замечательно. Что семья?

— Все хорошо.

Джек поймал взгляд Элис Мерриуэвер. Элис, умелый менеджер «Римрока», чуть младше Шейлы и Джека, знала их обоих.

— Ваш столик уже готов, — приветливо сказала она. — Релленос сегодня бесподобен.

— Спасибо.

Они прошли следом за Элис к столику, за которым Шейла предпочитала сидеть, когда встречалась с клиентами. Если она приходила сюда с мужем Сэмом и четырехлетней дочкой Аидой, то они занимали другой столик. Профессиональная память Элис произвела на Джека впечатление.

Официантка Фрэнсис тоже знала Джека и Шейлу. Она принесла им тортиллы и салсу, не забыв, что Шейла предпочитает воду безо льда. Шейла заказала чили-релленос, а Джек — сборное блюдо, включающее и релленос. Еще они заказали графинчик фирменного красного вина, даже не выясняя, какого оно сорта, поскольку знали, что Элис предложит им вино замечательного качества.

— Итак, что у тебя есть для меня? — спросила Шейла, когда Фрэнсис ушла на кухню с их заказом, и макнула кушачок теплой хрустящей тортиллы в салсу. В «Римроке» готовили свою салсу, каждый день свежую.

Джек стал рассказывать о своем прорыве:

— Эмоции контекста. Мне удалось добиться, чтобы игра передавала игроку чувства, которые персонаж испытывает в своем мире, независимо от того, ощутит или нет игрок эти эмоции сам.

И далее Джек поведал Шейле о Ксеноне, его луке и о том, как он почувствовал стыд, когда, невидимый для вражеского воина, убил его с расстояния. И далее: честь воина — это сразиться с другим храбрым воином лицом к лицу!

— Царь Филандер! — рассмеялась Шейла.

Джек кивнул и тут же покраснел:

— Я изменю и это. Там еще многое следует улучшить.

— Нет. Оставь как есть. Большинство игроков этого не поймет. А те, кто поймут, получают особое удовольствие.

Джек немного застенчиво улыбнулся и стал снова рассказывать об эмоциональной реальности игры.

Фрэнсис принесла им вино.

— Фрэнсис, а где сегодня Гэри? — обратилась к ней Шейла.

Джек знал, почему Шейла любила разговаривать с клиентами именно за этим столиком. Тут было спокойно, уединенно и в то же время отсюда открывался приятный вид на

ФАНТАСТИКА

зал ресторана: обшитые деревом стены, не темно, но и не слишком светло, вдоль стен — картины местных (до недавнего времени) художников; за столиками — преимущественно местные жители, чья внешность подкрепляла присущую ресторану атмосферу Юго-Запада. Другая причина, почему Шейла, как и Джек, любила этот столик, заключалась в том, что отсюда был хорошо виден Гэри Камминс, который здесь, в «Римроке», с октября по апрель, каждый вечер со среды до субботы, играл на классической гитаре. Расстояние тоже было в самый раз: вполне, чтобы и слышать музыку, и вести деловой разговор.

Вот Шейла и спросила теперь о Гэри.

— О, так вы не знаете? — удивилась Фрэнсис. — Ему пришлось уйти. Он ведь ходит пешком, сами знаете. И в прошлую пятницу его ограбили и избила банда подростков. Было уже темно, хотя всего лишь половина шестого. Они сломали ему гитару.

— Какая подлость! — воскликнула Шейла. — Мерзкие трусы! Джека тоже потрясла эта новость.

Еще десять лет назад Эйс-Хай был сонным шахтерским городком. Четыре года назад он стал раем для местных художников. А три года назад его «открыли». Вместо четырех галерей появилось сорок. Внезапно выросли шесть магазинов самообслуживания. Новые «тойоты» и «вольво» почти сравнялись по количеству со старенькими «фордями» и пикапчиками «шевроле», и на бамперах некоторых из последних уже красовались наклейки «Убей яппи для Иисуса».

Частные магазинчики, пять лет отчаянно пытавшиеся сохранить жизнь на Мэйн-стрит после того, как на шоссе появился универмаг (всего в полумиле от границы города, чтобы не платить городские налоги), в прошлом году разорились или лишились помещений, когда арендная плата подскочила в шесть раз.

Патриарх семьи испанских старожиллов — за избиение мастерком городского инспектора — сейчас сидит в тюрьме, ожидая суда. Старик возводил в нижней части своего покатого дворика двухфуттовую каменную стеночку, чтобы ливни во время летних гроз не смывали землю. А инспектор явился к нему с постановлением, требующим снести стену, потому что на ее постройку не получено разрешение.

Четыре года назад в Эйс-Хай никому и в голову не приходило, что для обустройства своего дома или двора требуется особое разрешение. Зарплаты были низкими, стоимость жизни невысокая. Соседи дружелюбны. В редких уличных актах насилия участвовали люди, знавшие друг друга, да и то эти драки начинались по причине пьянок. Еще пару лет назад за год было всего два инцидента, связанных с бандами. А за последние полгода произошло столько случаев поножовщины, стрельбы, ограблений и нападений на людей и собственность, что их число уже никто не мог подсчитать. И это было страшно.

Когда пятнадцать лет назад Джек поселился в Эйс-Хай, городок казался идеальным убежищем от свихнувшейся цивилизации. Пока где-то вдалеке цивилизация продолжала еще больше сходиться с ума, Джек сумел более или менее устроиться здесь и стал зарабатывать на жизнь, а городок показался ему еще лучше. К тому же тут появились некоторые весьма интересные заведения культуры, а вместе с ними и интересные люди, не говоря уже о хороших ресторанах. И хотя подобные Джеку беглецы от цивилизации вместе со старожилами ворчали о «калифорникаторах», он стал одним из многих, кто нашел среди новичков друзей, а их приезд увеличил его профессиональные возможности. Шейла, которая и в самом деле переехала сюда из Калифорнии, стала для Джека лучшим шансом на пути к успеху. Но теперь!..

Джек ощущал ярость. И страх. Но Шейла была права! В чем проблема этих панков? Они — трусы!

Гэри Камминс был старше Джека и Шейлы и выглядел соответственно. Джек немного знал историю Гэри. Ему дал рекомендацию в Уэст-Пойнт тогда новоиспеченный сенатор, а ныне кандидат в президенты. Во Вьетнам Гэри попал армейским капитаном. Вернулся, утратив иллюзии и преисполнившись отвращением. «Военные лидеры нашей страны уважают принцип, заключающийся в том, что свобода Америки требует подчинения армии гражданскому правительству, — сказал как-то Гэри Джеку. — Я и сейчас уважаю этот принцип, но, когда политики после Вьетнама стали настолько коррумпированными, я не смог больше служить».

Подробностей Гэри не рассказывал, но Джек знал, что после Вьетнама он ушел в отставку так быстро, как только смог. Принимал ЛСД. Выращивал марихуану. В семидесятые годы некоторое время прожил в глуши, месяцами не видя других людей. Много играл на гитаре. Сейчас Гэри чуть больше пятидесяти, но выглядит он значительно старше.

В «Римроке» Гэри хорошо кормили в те вечера, когда он выступал. Для выступлений у него была хорошая, чистая одежда. И все-таки, как подозревал Джек, чаевые в «Римроке» были для Гэри единственным постоянным доходом. То есть жил он очень скромно.

«Как могли подростки напасть на такого, как Гэри?» — думал Джек. Если у них и были причины ненавидеть мир, а Джек верил, что таких причин имелось более чем достаточно, то в этом виноват явно не человек вроде Гэри Камминса. Он шел на работу, чтобы зарабатывать то небольшое, что мог. Напавшие на него подростки наверняка знали, кто он такой. Каждый раз он ходил на работу пешком, а гитара, которую ему сломали, наверняка была его единственной ценностью.

— Какой позор, — сказала Шейла, когда Фрэнсис отошла к другому столику.

— Такое может испортить хороший обед, — проговорил Джек, уловив ее гнев, и тут же покраснел: он подумал о себе, тогда как Гэри потерял намного больше, чем хороший обед.

Джек стал анализировать свою эмоциональную реакцию. Потом вспомнил о Ксеноне, о собственном опыте пребывания в облике Ксенона, полного физической агрессии, во многом благодаря которой созданный электроникой персонаж казался реальным — настолько реальным, что Джек ощущал его в игровом мире своим — именно своим, а не чужим! Изначально невежественный в отношении мораль-

ных последствий своей агрессивности, Ксенон — вот изюминка! — был уже восприимчив к нравственным императивам. Но может быть, это — лишь особенность игрового мира? Или это более присуще моральным устоям Джека, чем заложенному в Ксенона потенциалу? Так или иначе, но Джек верил, что причина, из-за которой слепая агрессивность Ксенона сменяется стыдом из-за осознания собственной трусости, кроется в том, как Ксенон проявит эту агрессию.

Разумеется, тут не обошлось и без того, что можно назвать подобием кровной связи: ведь Ксенон был Джеком в игровом мире. А Джек влиял на его мыслительные способности, равно как и Джек использовал опыт своего пребывания в личности Ксенона (например, появившаяся убежденность Джека в том, что надо поддерживать собственную физическую форму). Чем более реальным становился создаваемый Джеком игровой мир, тем более реальными становились отражаемые в обоих направлениях чувства.

Но ведь и подростки, превратившие еще не так давно сонные улицы Эйс-Хай в коридоры страха, тоже люди, и, значит, испытывают всевозможные людские эмоции. Поэтому Джек считал, что кричать об их агрессивности глупо и бессмысленно. Во многом именно эта их агрессивность, казалось бы, нетипичная для этих мест Юго-Запада, и вдохновила Джека создать личности воинов в его игровых мирах.

— Должен быть способ, — пробормотал он.

— Для чего? — спросила Шейла.

Кто-то другой, может быть, и удивился бы, но Шейла и прежде видела Джека, когда его охватывало вдохновение. Она переехала в Эйс-Хай всего три года назад во время большого наплыва яппи. Шейла и ее муж Сэм поступили так, решив, что городок в Нью-Мексико, напоминающий тот, откуда сорок лет назад уехали родители малыша Сэма, окажется более безопасным местом для их маленькой дочки, чем Южная Калифорния. Тогда они еще разделяли предубеждения горожан по отношению к жителям глубинки, но во многом благодаря Джеку вскоре сумели от них избавиться. В том числе и потому Шейла сделала Джека своим клиентом. Обе стороны оказались довольны результатом.

— Честь воина, — проговорил Джек. И опять: — Честь воина... Ведь они во что-то играют? Какую музыку они слушают? Ну, организуй рок-группу. Назови ее «Электрические луддиты». Пробейся на ТВ... Все так, но готов поспорить: они играют и в игры, во всяком случае, в некоторые из них. Они не станут думать иначе, поскольку они такие, какие есть. Но я уверен, что они перестанут совершать поступки, которые сочтут трусостью. И значит, должен быть способ — способ показать им, что такое честь воина! Ради Гэри...

Джек размышлял, и Шейла ему не мешала. Теперь он знал, где корни его игрового сценария. В древности, как известно, велись настоящие дебаты о том, морально ли использовать лучников на войне. Тогда многие считали трусостью и бесчестием убивать врага с безопасного расстояния, откуда лучнику не надо смотреть в лицо противнику. Но разумеется, все кончилось тем, что народы, лишенные подобной щепетильности, победили тех, кто воздерживался использовать лучников на поле битвы. И все-таки Джек решил, что современные люди могут что-то извлечь из уроков истории. Рыцарство. Круглый Стол. Кодекс самурая. Уверенность в том, что высшая честь — это достойное поведение, а не убийство врага.

Вот психологические предпосылки. Подростки из уличной банды избивают таких, как Гэри, потому что слишком отчуж-

дены от общества, но в равной мере и потому, что не знают, как реализовать достоинства, которые у них могут быть. Например, мужество. Это несомненное достоинство — его уважает любой, кто ощущает в себе энергию воина... Вот он — стартовый толчок! Стало быть, нужно встроить в игру связь между честью воина и миром, где живут подростки, которые могут играть в эту игру, а также фантастическим миром древности, заложенным в сценарий игры.

Что совпадает, а что отличается в древнем и современном контекстах? Джек прочертил на салфетке вертикальную линию. Совпадают: агрессия сама по себе, упоение силой, радость от успехов ее применения... и мужество как достоинство. Не видеть во враге такого же человека, как и ты, — что ж, наверное, и это совпадает. Но причины тут разные. Современная враждебность отличается от племенной, заквашенной на замкнутости, но конечный результат очень похож.

Джек подумал о позитивных принципах своей игры, о том, что придает игроку ощущение успеха и продвижения вперед. Почему для плунов важно сражаться, глядя противнику в глаза? Мужество? Да. Честь? Да. Но не сами по себе. Схватка с противником, которого ты можешь уважать, увеличивает у воина чувство чести и собственной значимости. Игрок, равно как и персонаж, за которого он играет, способен понять этот принцип. А это понимание сделает игру более захватывающей и, конечно, более трудной, тем самым повысив удовольствие от нее...

Подошла Фрэнсис с кувшином воды и наполнила бокалы Джека и Шейлы, причем сделала это так, чтобы в бокал Шейлы не попали кубики льда. Шейла улыбнулась. Джек этого даже не заметил.

Наброски Джека начали обретать форму. Что общего у отряда плунов с современной уличной бандой подростков? Физическая агрессия, разумеется. Но также и размер группы, где все друг друга знают. Персональность. Ксенон хочет, чтобы его воинские достоинства были признаны. Кем? Значит, нужно ввести в игру персонификацию для тех воинов его отряда, с чьим мнением Ксенон будет считаться. Например, царь Филандер.

Но — нет... Джек резко зачеркнул эту, только что записанную им, идею. Салфетка порвалась. Он перевернул ее и стал писать на обратной стороне. Итак, начнем с нескольких других молодых воинов. Придадим им качества, которые Ксенон уважает: упорство, выносливость, мастерство охотников. Таких, чье мнение о чести важно для него.

«Крутой парень — но невозмутимый», — написал Джек. Потом: «Еще более крутой — его секрет в самоуважении». Да, подростки на дух не выносят нравоучений. Тут очень важно понять различие между обучением и промывкой мозгов. Прекрасно, если игроки, пусть поначалу немногие, захотят победить в этой игре. Разве не захочет игрок, живя

в современном обществе, где все летит в тартарары, подхватить и развить историческую концепцию чести воина, на основе которой столь многие общества построили цивилизации? Джек должен попытаться — ради Гэри...

Фрэнсис принесла их заказы. Джек даже смог оценить, насколько вкусной оказалась еда.

Честь воина, второй уровень, — объявила игра...

Взлохмаченные волосы Джека напоминали воронье гнездо, но ему было все равно. Он знал, что делать дальше. На втором уровне электронная личность Ксенона должна получить дополнительную информацию, связанную как с его древним миром, так и с современным миром Джека.

— ...Ты проявил себя великим охотником, — сказал царь Филандер. — Посмотрим, какой из тебя получится воин.

Да, в нем были уверены, но вместе с тем Ксенон ощутил исходящий от других воинов племени некий холодок сомнений. Кортес — крупный, как Ксенон, и твердый, как кремень. Филон — худощавый, но настолько выносливый, что может измотать самого Кортеса. И все-таки Ксенон знал, что сильнее любого из них. Почти все они ходили с ним на охоту, но именно Ксенон добыл огромного зверя — того самого, на чьих бивнях сейчас сидел Филандер. Поэтому ни у воинов, ни у царя нет повода сомневаться в мужестве Ксенона.

Отряд выступил к деревне кронксов...

Физические и визуальные ощущения на втором уровне остались прежними: жаркое солнце, каменистые изрезанные склоны холмов, кружащие в небе птеранодоны, запахи сосны и скунсового медведя. Но когда Ксенон поставил стрелу на тетиву, он вдруг расслышал легкое покашливание Филона. Совсем негромкое, чтобы не вспугнуть часовых кронксов, но достаточное, чтобы сообщить Ксенону, пока не пущена стрела, что он что-то делает неправильно.

Ксенон уже знал, почему кашлянул именно Филон. Не из-за слабости. Кортес был сильнее его, почти столь же силен, как и Ксенон. Но на выжженной солнцем тропе под иссушающим ветром Филон продержится дольше любого из них, и Ксенон это знал тоже. Филон обладал воинским духом чести плунов. Это было известно всем. И когда Филон кашлянул, Ксенон, уже натянувший тетиву лука до предела, все понял.

Поздравляю! — объявила игра. — Ты отыскал ключ к третьему уровню «Чести воина».

Перевод с английского
А.Новикова